

Л. И. Кубецкая, Н. О. Кудрявцева
L. I. Kubetskaya, N. O. Kudryavtseva

Историко-культурный потенциал малых городов России как ресурс совершенствования систем расселения
The historical cultural potential of small towns in Russia as a resource for improving resettlement systems

Ключевые слова: малый город, локальные системы расселения, коридор развития

Keywords: small city, local settlement systems, axes of development

Аннотация. В статье содержатся результаты исследования по обоснованию использования историко-культурного потенциала малых городов и реновации историко-генетических взаимосвязей в целях совершенствования систем расселения разных уровней, выявления историко-генетических параметров ландшафтно-пространственного единства, установление потенциально важных объектов промышленно-производственной деятельности и инженерно-транспортной инфраструктуры, объектов культурного наследия, что служит основанием формирования локальных систем расселения как промежуточного уровня, содействующего интеграции малых городов в общегосударственные системы.

Abstract. The article contains the results of a study on the justification of the use of the historical and cultural potential of small towns and the renovation of historical and genetic relationships in order to improve the settlement systems of different levels, to identify the historical and genetic parameters of landscape and spatial unity, to identify potentially important objects of industrial production activities and the engineering and transport infrastructure, objects of cultural heritage, which serves as the basis for the formation of local settlement systems as an intermediate level that promotes the integration of small towns into national systems.

Свыше 52% населения мира проживает в малых городах. Мировая тенденция урбанизации отмечает рост их числа. На 1 января 2010 г. в РФ насчитывалось 1118 городов, среди которых очень малых с населением менее 5 тыс. чел. – 38, с населением менее 12 000 тыс. жителей – 178. В целом к категории самых малых городов причислено 216, что составило около 19% от общего числа городов РФ. Учитывая важную роль сельского хозяйства и продовольственного обеспечения, а также аграрную природу малого города, необходимо всеми способами содействовать их росту.

В настоящее время в крупнейших городах и миллионниках отмечается неудовлетворительный уровень качества окружающей среды, условий проживания, большие затраты времени на транспортные передвижения. И тем не менее, в концепции Стратегии пространственного развития Российской Федерации 17 агломераций выбраны в качестве приоритетных для будущих экономических сдвигов [1].

Проблемам малых городов в данной постановке вопроса уделяется второстепенная роль, в т. ч. в русле фундаментальных трудов универсального методологического плана, в то время как малые города – особое явление, требующее выделения их в самостоятельный подраздел всех стратегических документов.

В регионах наблюдается увеличение территорий муниципальных образований, что приводит к понижению административного статуса поселения. Заметим, что некоторые муниципальные районы по территории теперь превышают бывшие размеры уездов в три раза. Утратили статус многие города (например Холмогоры Архангельской области, Наровчат Пензенской области). В них ликвидируются школы, больницы и другие учреждения. Прекращается деятельность автобусных маршрутов. Закрываются градообразующие предпри-

ятия (как, например, в городе Онега – судоремонтный завод, в Тутаеве, Тотьме – льняные фабрики). Ликвидируются подчас даже предприятия пищевой промышленности (как, например, сырзавод в Тотьме).

Цель исследования – выявление значения малых городов в сложившихся кризисных условиях (их историко-культурного потенциала, историко-генетических связей населенных мест, достопримечательностей, ценных в природно-экологическом отношении территорий, зон и элементов) и на этой основе установление ареалов и границ локальных и региональных систем расселения.

Методика исследования основана на использовании неформальных критериев качества уникальности «времени и пространства» русского города [3, 8]. Уделяется внимание типологической (региональной) самобытности рядовой застройки и построению генетической модели градостроительной структуры с использованием топологического анализа и метода исторической реконструкции. Приводится модель методики историко-генетических исследований градостроительной структуры и расселения малого города (рис. 1а). Выявление роли и значения роли города в становлении государства производится на основе изучения архивных и источниковедческих материалов (рис. 1 б, в).

Многие малые города существовали задолго до образования российской государственности. На карте древнейших городов России наряду с Киевом, Смоленском, Новгородом мы видим в качестве опорных центров Ростов, Белозерск, Муром, Ладогу. На схеме маршрута похода Игоря Святославича на половцев в 1185 г. видим Путивль, Рыльск, Трубчевск (рис. 1 в) [19]. Холмогоры были международным портом, столицей Севера и в XVI–XVII вв. указывались как город с посадами. На картах XIII века в числе крупных городов мы видим Муром, Белозерск, Торопец, Каргополь и Москву.

Наиболее проблемными являются малые города, оторванные от областных центров, с неудовлетворительным уровнем их транспортного обслуживания.

Выявлено три характерные типологические ситуации положения малого города в современной системе расселения по отношению к границам муниципального образования:

А) *очаговое глубинное* (Холмогоры, Касимов, Тотьма);

Б) *очаговое, краевое* – вблизи границы муниципального образования (Гороховец, Любим, Торопец, Солигалич, Каргополь, Грязовец, Болхов);

В) *в пределах агломерационных систем 1-го и 2-го порядка* (Ярославль – Тутаев, Елец – Задонск и др).

Торопец – город приграничного расположения Тверской области (тип Б), отстоящий от областного центра на 320 км. От него до Пскова – 360 км, до Москвы –

410 км, до Санкт-Петербурга – 460 км [10]. Основные транспортные связи: федеральная автодорога М-9 «Балтия» Москва – Волоколамск и железнодорожная линия Бологое – Клястица, проходящая севернее города. За исключением Великих Лук, удаленных от него на 100 км, ближайшие крупные и крупнейшие города находятся от Торопца в 4–6-часовой доступности. Известный с XI века, город был некогда столицей собственного княжества, затем богатым купеческим городом, и ныне сохраняет историческую атмосферу. Исторически город располагался на главном пути «из варяг в греки» при впадении реки Торопы в озеро Соломено [16].

Историко-культурный потенциал Торопца отражается в его образе. Историк XIX в. В. Щукин писал: «Вы подъезжаете к Торопцу и вам еще за несколько верст бросается в глаза сияющие купола разноцветных мас-

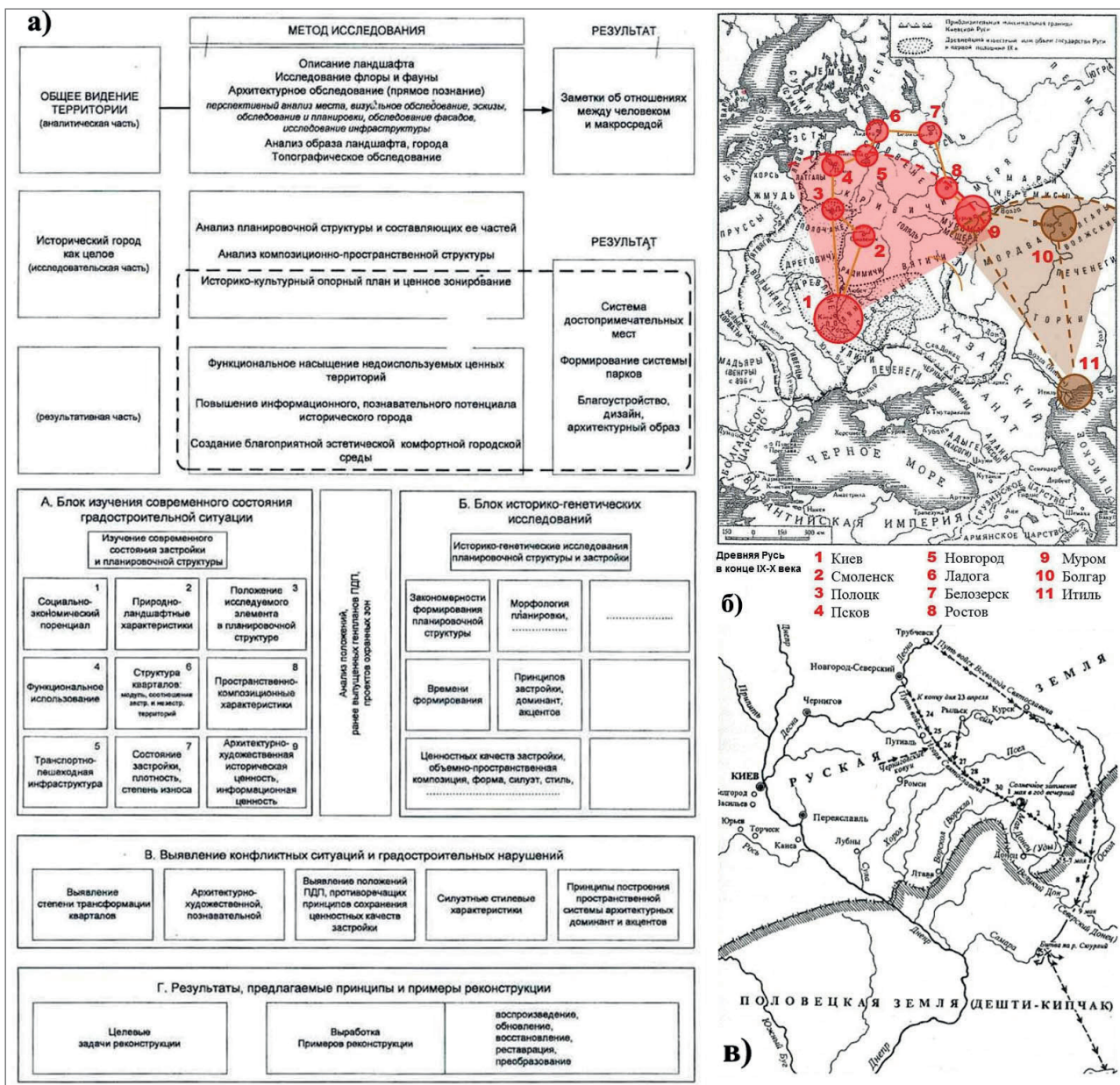

Рис. 1. Начальные этапы исследования малого города: а) схема методики историко-генетических исследований малого города: градостроительная структура и расселение; б) древний опорный каркас расселения, формировавшийся с конца IX по X век; в) схема маршрута похода Игоря Святославича на половцев в 1185 г. (по Б. А. Рыбакову)

сивных каменных церквей, слепившихся в одну кучу и отвлекающих ваш взор от всего другого» (рис. 2 а, б) [11]. Бывший торг (Советская площадь) сохранил роль главного бассейна визуального восприятия храмовых ансамблей, что было заложено и в дорегулярном плане города (рис. 2 в, г, д) [11].

Историко-градостроительные ресурсы Торопца связаны с военной славой и подвигами, со статусом столицы удельного княжества, отличаются экологической привлекательностью, сохранностью и ценностью архитектурно-художественной среды, фольклорными традициями, имеют родовые связи с городом Александра Невского.

В определении границ локальных систем расселения решающее значение имеет близость города высшего ранга [20, с. 439]. Таким для Торопца оказываются

Великие Луки. Оба города прежде входили в Псковскую губернию как пригороды. Следует завершить создание железнодорожной связки Торопец – Старая Торопа – Ржев с учетом преимуществ развития в этом юго-восточном направлении внутриобластных связей, включая производственные.

Многолетние исследования малых городов свидетельствуют о том, что их историко-культурный потенциал опосредован в а) градостроительной структуре; б) монументальности храмовой архитектуры; в) параметрах регионального пространства и системы расселения. Подтверждением служит своеобразие г. Каргополя Архангельской области.

По краевому очаговому местоположению **Каргополь** относится к типу Б. От ближайшей железнодорожной станции Няндомы до Каргополя – 80 км, от областного

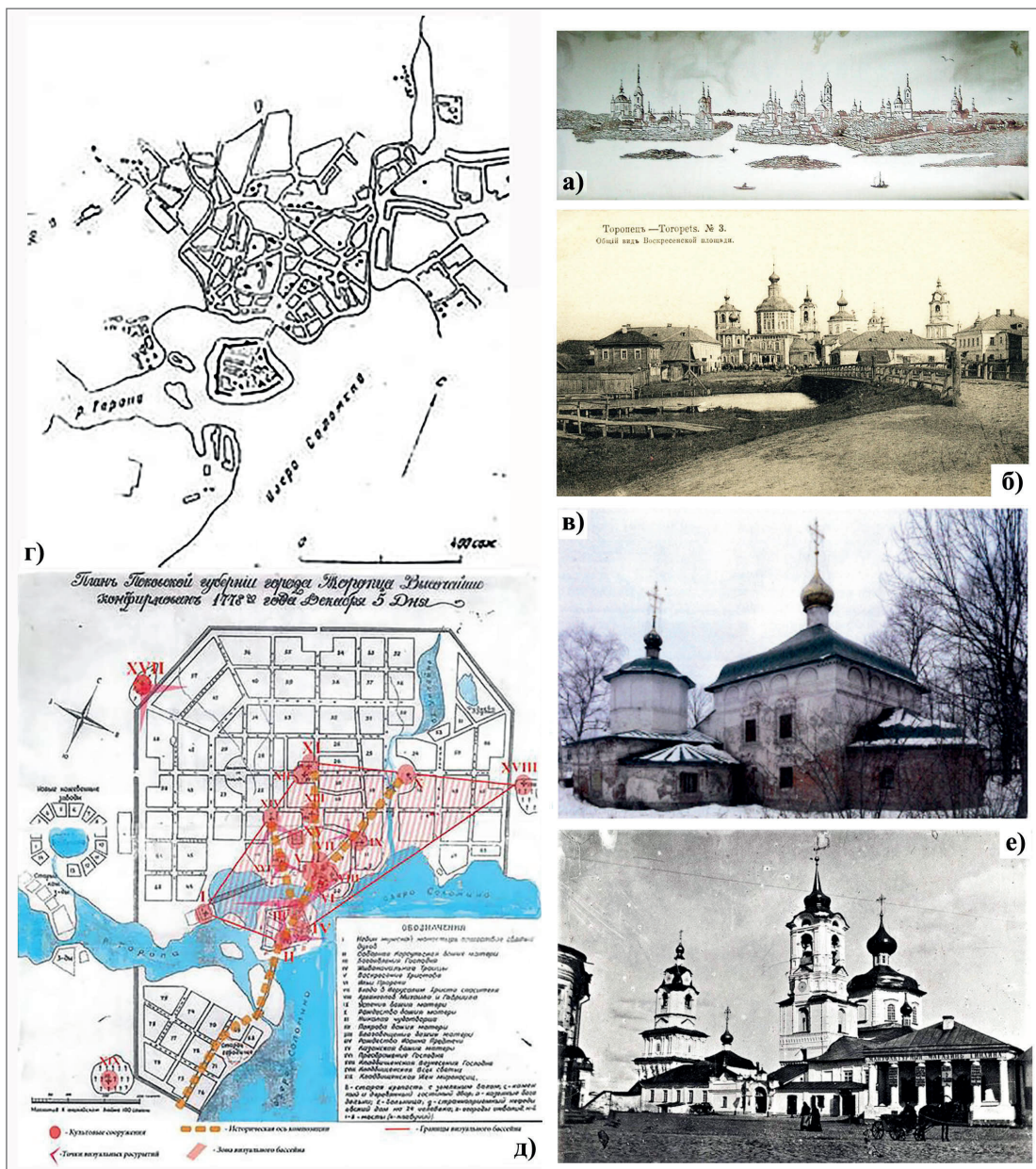

Рис. 2. Город Торопец Тверской области: а) историческая панорама [11]; б) ансамбль Воскресенской, Входоиерусалимской, Пятницкой и Ильинской церквей на Воскресенской площади. Вид с Красного острова. Историческое фото из фондов Торопецкого краеведческого музея [16]; в) ц. Иоанна Предтечи [16]; г) план первой половины XVIII в. [11] д) схема пространственно-видовых связей храмовых доминант, визуальные бассейны; е) ансамбль церквей на Воскресенской площади (утраченных), на переднем плане сохранившиеся здания [11]

центра – Архангельска – 493 км, от Москвы – 831 км. В пределах зоны расселения расположены четыре урбанизированных центра: Каргополь, Онега, Холмогоры, Архангельск. Кенозерский Национальный парк (северо-западная часть) с его уникальными ландшафтами и особым этнотипом – «озерным расселением» – определяет сложную многомерную территориальную структуру Каргополья.

Первые сведения о Каргополе относятся к 1146 г. и связаны с Белозерским князем Вячеславом, основавшим там свой стол [6]. Позднее город оказался в составе Новгородской республики, контролируя и взимая пошлины за торговлю солью, перевозимой в Онегу. Каргополь был центром Обонежской пятины [2], главным портом, откуда шел путь на Запад. В последующем –

центром воеводства, достигающего по протяженности длины реки Онега – 420 км [6]. Позже стал уездным центром Олонецкой губернии (рис. 3 а).

Для Каргополя первоначальной исторической территориальной единицей расселения служит Каргопольская волость [19]. Она включает присутствующее в ее пределах разнообразие подсистем: сельское, озерное, гнездовое, островное (Холмогоры), монастырское (Кемский, Кийостровской, Кожеозерский, Антониево-Сийский, Пертоминский, Соловецкий монастыри) [2, 15, 19]. Это «целостная культурно-градостроительная зона расселения – Каргополье» [12, 13, 19]. В поселенческой сети присутствует архаический тип «гнезд» поселений, когда одно село состоит из десятка деревень. Уже к XIV в. сложилось это историческое расселение,

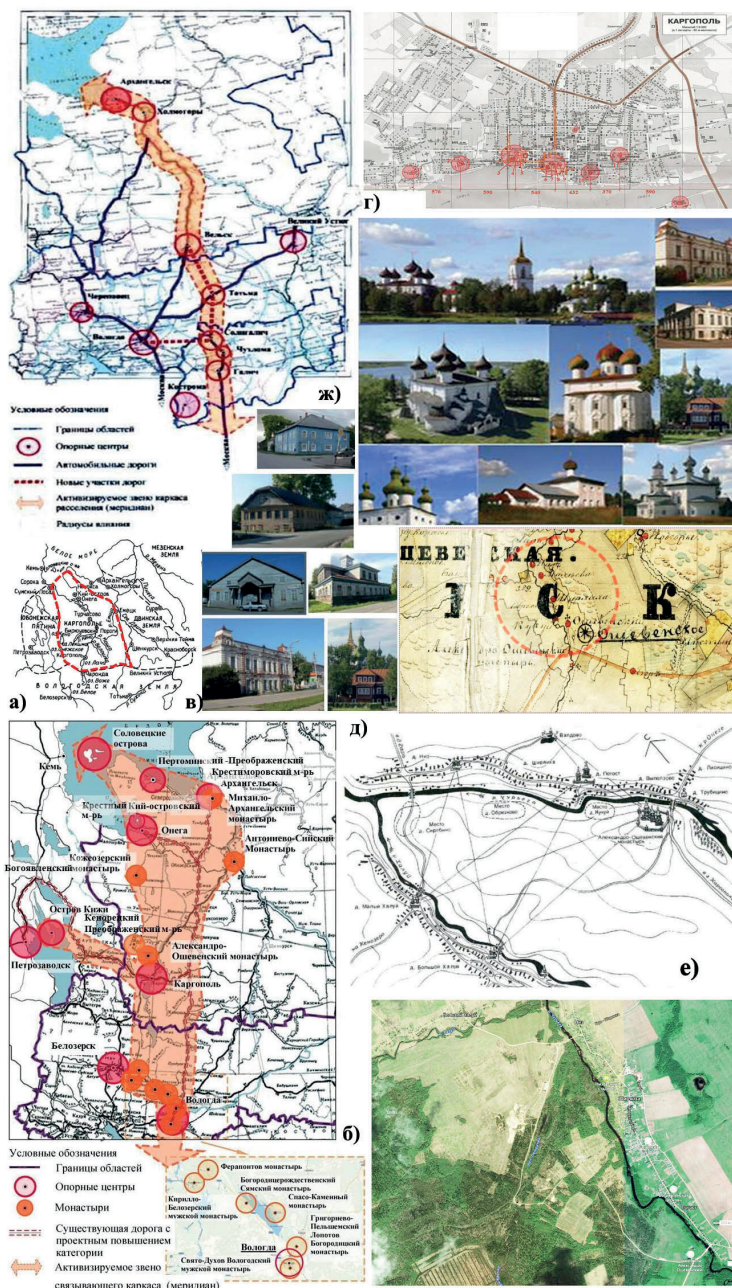

Рис. 3. Каргополье. Историко-культурные основы расселения: а) схема владений Обонежья, Каргополья, Двинской и Вологодской земель [2]; б) историко-культурное наследие Каргополья; в) типологически ценная рядовая застройка улиц; г) анализ расстановки храмовых доминант при восприятии с реки Онеги; д) пространство скопления монастырей Вологда – Каргополь – Соловки; е) «гнездовой» тип расселения; ж) меридиональный коридор Архангельск – Холмогоры – Тотьма – Солигалич – Москва

сохранившееся до сегодняшнего дня. Каргополь был главным опорным центром Обонежья (рис. 3 а, б).

Монастырская система фланкирует территорию Прионежья, раздвигая это пространство и к западу, и к востоку. Ведь монастыри осваивали самые труднодоступные места Каргополя, к которым позже прирастали поселения. В некоторые из них добраться можно было только по «зимникам» [15].

Духовное родство, генетическая взаимосвязь монастырей послужили основой особого рода локализации монастырей на территории бывшего Каргополя и соседних территорий (рис. 3 д). Росло мастерство и совершенство храмового зодчества, воспроизводились образцы и приемы самых почитаемых соборов, таких как Спасо-Преображенский собор Соловецкого монастыря, повторенный в одноименном соборе в Каргополе (Спасо-Преображенский монастырь, утр.), Александровском и в Антониево-Сийском монастырях. Духовность архитектуры и эстетики доказывали в своих трудах Д. Рескин и Х. Борхес [5]. О. Шуази отмечал, что сходство храмовых традиций – признак генетического родства [22].

Учитывая низкую плотность поселений в этом районе, стратегия территориального планирования должна учитывать историческое духовное наследие. В новых условиях градостроительной и хозяйственной деятельности следует включать в перспективные концепции развития восстановление локальных систем расселения, в которых значительна организующая роль монастырей.

Выводы:

Малый город – историко-культурный ресурс совершенствования и развития систем расселения. Социально-экономическая политика должна разрабатываться в русле стратегии их совершенствования, при этом малым городам, обладающим высоким историко-культурным потенциалом, необходимо возратить роль опорных центров локальных систем расселения 2-го порядка. Одновременно следует поддерживать и реанимировать историко-культурные ресурсы.

Приграничное положение малого города обязывает включать населенные пункты и города в ближайшем соседстве в общую локальную систему расселения как прототип межселенных центров, ибо в большинстве случаев эти территории представляли собой общую зону взаимодействия, пронизанную связями (здесь складывались культурные традиции, устраивались ярмарки). Необходимо рассматривать эти межгородские площадки как плацдармы инновационного развития, организации смежных производств, включая ремесленно-промысловую, ресурсодобывающую и сельскохозяйственную деятельность, не исключая ОЭЗ ППТ в умеренных масштабах. Возобновление и восстановление структуроформирующих исторических кратчайших связей между соседствующими малыми городами – предпосылка формирования коридоров (например, между городами Чухломой, Солгаличем, Тотьмой, Вельском и Холмогоры) с выходом на севере к Архангельску, а на юге к Москве. Не менее эффективным является ва-

риант восстановления недействующих участков железных дорог, в т. ч. исторических узкоколейных.

Малый город, будучи неотъемлемым элементом системы расселения, инициирует формирование агломерации снизу. Примером служит Задонско-Елецкая агломерация. Благодаря регулярным связям с Задонском, повышается значение Ельца в системе расселения южной и юго-западной части Липецкой области. Более того, к Ельцу присоединен сельский куст тяготения, в котором есть места, связанные с жизнью И. А. Бунина (хутор Бутырки, имение «Озерки», документально описанные им в произведении «Жизнь Арсеньева»).

В современных законодательных документах недостаточно развита иерархия категорий охраны. В категорию ОКН входят и культовые сооружения, и дворцы, и усадьбы, и памятники инженерного искусства и промышленной индустрии. Предлагается расширить список охраняемых объектов и приравнять типологически ценную застройку, которая придает своеобразие малому городу, к объектам национальной культуры (ОНК) или объектам региональной культуры (ОРК). Открывается возможность перейти от точечного принципа охраны единичных памятников истории и культуры к новому – «зональному». Следует пропагандировать экологически привлекательные формы проживания в малых городах, проводя политику эргономической защиты территории вниз, создавать рынок жилья [3, 8].

Малый город как неотъемлемая часть природно-ландшафтной системы интегрирован региональным пространством. Необходимо сохранять культурный ландшафт вместе с историческими формами сельского расселения.

Музеефикация – действенный способ сохранения национальной памяти [3, 8]. Городу органично присущ этот смысл, поскольку город – сцена исторических событий, место мемориальной памяти выдающихся людей [3, 22]. Актуальность городов-музеев обострена необходимостью противостоять евроатлантическим и евро-американским сообществам с их навязываемыми в качестве эталона цивилизационными правилами и стандартами. Особенно важна мемориальная память как метод доказательства российского национального первенства и научного престижа в мировом масштабе. Например, Холмогоры, утратившие в значительной степени свои историко-культурные ресурсы еще в прошлом веке, могут стать научным и художественно-производственным центром им. М. В. Ломоносова [12].

Ученые-аналитики, моделируя город будущего, формулируют теоретические блоки, намечают приемлемые формулы, параметры, характеристики поселений. Выдвигаются требования реформирования территориального планирования. На этом фоне искусственных стереотипов и призывов к гуманизации малый город – идеальная перспективная форма расселения [3, 8, 22].

Список литературы

1. Стратегия пространственного развития [Электронный ресурс] // Минэкономразвития России: [официальный сайт]. – URL : <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/planning/sd> (дата обращения: 10.10.2017).

2. Алферова, Г. Каргополь и Каргополье / Г. Алферова. – Москва, Стройиздат, 1973. – 187 с.
3. Бондаренко, И. А. Фактор времени в теории архитектуры / И. А. Бондаренко // Academia. Архитектура и строительство. – 2016. – №3. – С. 53–55.
4. Борхес, Х. Девять эссе о Данте / Х. Л. Борхес; пер. с исп. А. Фридмана // Мир Данте: в 3-х томах. Т. 3. – Москва: ТЕРРА, 2002. – С. 243–264.
5. География России: [Энциклопедия] / глав. ред. А. П. Горкин. – Москва, 1998.
6. Города России: [Энциклопедия] / глав. ред. Г. М. Лаппо. – Москва: Большая Российская Энциклопедия, 1994. – С. 180.
7. Гунн, Г. П. Каргополье – Онега / Г. П. Гунн. – [2-е изд., испр. и доп.]. – Москва: Искусство, 1989. – 167 с.
8. Есаулов, Г. В. Об идентичности в архитектуре и градостроительстве / Г. В. Есаулов // Academia. Архитектура и строительство. – 2018. – № 4. – С. 12–18.
9. Кий-остров: история и современность: сборник материалов научно-практической конференции / науч. ред. и сост. Л. Д. Попова. – Архангельск: Правда Севера, 2005. – 211 с.
10. Крамаровский, М. Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда, Византия, Италия / М. Г. Крамаровский. – Санкт-Петербург: Евразия, 2012. – 296 с.
11. Кубецкая, Л. И. Торопец: градостроительная структура как летопись, запечатленная в генетических частях / Л. И. Кубецкая, Н. О. Кудрявцева // Academia. Архитектура и строительство. – 2021 – №1. – С. 74–84.
12. Кудрявцева, Н. О. Холмогоры. Природоградостроительная система расселения / Н. О. Кудрявцева, Л. И. Кубецкая // Градостроительство. – 2013. – № 3 (25). – С. 56–62.
13. Масиэль Санчес, Л. К. Каменная архитектура Каргополя начала XVIII в. / Л. К. Масиэль Санчес // Academia. Архитектура и строительство. – 2015. – № 1. – С. 41–48.
14. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи: с библиографическим указателем / сост. и изд. В. В. Зверинский. – Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова и К°, 1890–1897. – 2: Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. – 1892. – VI, 462 с.
15. Монастыри Русской Православной Церкви. Справочник-путеводитель. Выпуск 1 / сост.: Л. Г. Рудин, П. В. Кузнецов. – Москва: Издательство Московского патриархата, 2001. – 464 с.
16. Побойнин, И. Торопецкая старина. Исторические очерки города Торопца с древнейших времён до конца XVII века / И. Побойнин; отв. ред. В. М. Воробьев. – Изд. 3-е. – Тверь: Седьмая буква, 2009. – 348 с.
17. Ратшин, А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России / Сост. из достовер. источников Александром Ратшиным. – Москва: Унив. тип., 1852. – 566 с.
18. Случевский, К. К. По Северу России. Путешествие их императорских высочеств великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны в 1884 и 1885 годах / К. К. Случевский. – Т. 1. – Санкт-Петербург: Тип. Э. Гоппе, 1886. – 458 с.
19. Титов, А. А. Летопись Двинская / А. А. Титов. – Москва: Изд. Снегирева, 1889. – 240 с.
20. Цветков, С. Э. Древняя Русь. Эпоха междуусобиц. От Ярославичей до Всеволода Большое Гнездо / С. Э. Цветков. – Москва: Центрполиграф, 2016. – 525 с.
21. Шуази, О. Всеобщая история архитектуры / О. Шуази. – Москва: Наука, 2017.
22. Щенков, А. С. Привычное и программное в охране наследия / А. С. Щенков // Academia. Архитектура и строительство. – 2015. – № 1. – С. 39–40.

К. А. Пшеничникова
K. A. Pshenichnikova

Принципы формирования временных поселений для беженцев в XXI веке *Principles for the Formation of Temporary Settlements for Refugees in the 21st Century*

Ключевые слова: временные поселения, беженцы, быстровозводимость, мобильность, трансформативность, устойчивость

Keywords: temporary settlements, refugees, prefabricated, mobility, transformability, sustainability

Аннотация. Статья посвящена выявлению принципов формирования временных лагерей для беженцев в XXI веке. Установлено, что проектирование поселений для краткосрочного пребывания на основе сформулированных принципов позволит создавать адаптивные экологически устойчивые среды обитания, в которых будут учитываться потребности беженцев. Исследование основано на междисциплинарном подходе, который включает анализ теоретических и практических работ, а также актуальных технологий проектирования и строительства.

Abstract. The article is devoted to identifying the principles of the formation of temporary refugee camps in the XXI century. It has been established that the design of settlements for short stays based on the formulated principles will allow the creation of adaptive environmentally sustainable habitats that will take into account the needs of refugees. The study is based on an interdisciplinary approach, which includes an analysis of theoretical and practical work, as well as current design and construction technologies.

Нестабильные социальные, политические или климатические условия вынуждают граждан покидать свою Родину и искать убежища. Число беженцев растет быстрыми темпами. На сегодняшний день во всем мире насчитывается более 80 миллионов вынужденных переселенцев, из которых около 26 миллионов человек имеют официальный статус беженцев. Временным размещением большинства людей занимаются развивающиеся страны, однако, несмотря на непостоянный характер концепции расселе-

ния, большинство лагерей беженцев вынуждены существовать намного дольше запланированного времени¹.

¹ Указанные поселения рассматриваются преимущественно как «временные и аварийные», однако согласно данным УВКБ ООН, срок нахождения групп в принимающей стране в среднем составляет 17 лет, поэтому термин «временный» в действительности может означать несколько лет или десятилетий. Увеличение миграционных потоков приводит к поиску решений по созданию устойчивых поселений с возможностью длительного проживания [1].